

Пётр Гладилин

БОТинки на ТолСТОй подоШВЕ

Комедия для актрисы и двух актеров

Все права принадлежат автору

Гладилин Петр Владимирович
8 926 142 60 56
8 (499) 151 50 07
dd@m9com.ru

2 Роль для актрисы

Плохова Наталья Федоровна — прекрасная женщина сорока двух лет.

Роль для актера

Плохов Дмитрий Михайлович — ее муж, превосходный человек.

Роли для второго актера

Зеленин Аркадий Андреевич — человек, который всегда выручит.

Спицын Фадей Ильич — тюремный контролер, надзиратель.

Вера Алексеевна — домработница, у которой украли все, что только можно, и еще то, чего украсть никак нельзя, например молодость.

Калошница, в которой супруги Плоховы двадцать лет держали обувь, на которую всякий раз присаживались, когда зашнуровывали ботинки.

Был город осликом, четырехстенным домом.
На двух колесах из камней
Он ехал в горизонте плотном.

Николай Заболоцкий

А К Т П Е Р В Ы Й

сцена первая

Весна в этом году выдалась дождливая, стены домов стали мягкими и влажными. Оконные стекла мокрые — хоть выжимай. Гостиная в квартире Плоховых: стол, два стула, стеллажи с книгами вдоль стен. Дмитрий Михайлович, морской офицер в отставке, укладывает вещи в большой чемодан. Входит Наталья Федоровна, его законная жена.

Наталья Федоровна. Я хочу знать, что происходит, зачем ты собираешь вещи? Куда ты собрался на ночь глядя?

Дмитрий Михайлович. Когда я был маленький, меня очень интересовало, простужаются птицы или нет. Я бабушку донимал, я спрашивал: птицы кашляют, бабушка, а у птиц есть температура? Прожил жизнь, так до сих пор и не выяснил. Идиотский вопрос. Но интересный для ребенка.

Наталья Федоровна. Не заговаривай мне зубы, я спрашиваю: куда ты собираешься?

Дмитрий Михайлович. Я позвоню завтра. Завтра я тебе все объясню.

Наталья Федоровна. А почему нельзя не по телефону? Почему нельзя сегодня?

Дмитрий Михайлович. У тебя глаза ясные, как божий день, а у меня совесть, Ната, перед тобою не чиста. У меня неприятности. Я влюбился. Я ухожу из дома. Не хотел, а все уже рассказал, ну зачем я тебе рассказал? Вот дурак, а? Ты схватишься за язык кле-

щами и тянешь. Ну, зачем ты меня за язык тянешь? Я виноват перед тобой, перед нашей взрослой, замужней и беременной дочерью, перед Господом Богом. Чтобы не сойти с ума, надо бежать!

Наталья Федоровна. Кто же она, твоя избранница?

Дмитрий Михайлович. Лиза.

4 Наталья Федоровна. Эта маленькая кривоногая девочка? Сколько ей лет, двенадцать или тринадцать?

Дмитрий Михайлович. Двадцать.

Наталья Федоровна. Возьми платок, у тебя лоб мокрый, вытри, и вот здесь, на щеках.

Дмитрий Михайлович. Я очень сильно тебя обидел, но я ничего с собой поделывать не могу. Я влюбился, я свихнулся. За те несколько недель, как мы с ней познакомились, я превратился в растение, моя воля парализована. У нее такие варварские, азиатские глаза. Она ест руками. Если бы ты видела, как она ест руками, можно с ума сойти. Это очень красиво. Она дикая, она всегда спешит, у нее изо рта все валится, и она говорит, говорит, говорит не переставая. Если б ты только знала, как я эту трещотку люблю. Она командует мной, она крутит мной, как захочет, и я ее слушаюсь, и мне приятно ее слушаться. Она из меня веревки вьет, бьет меня, а я радуюсь, как дурак последний.

Наталья Федоровна. Какие там особенные азиатские глаза, старый миноносец полюбил косую девушку. Очень трогательная история.

Дмитрий Михайлович. Она не косая, она раскосая.

Наталья Федоровна. Косая.

Дмитрий Михайлович. У нее очень красивые глаза, только близко посажены. Даже если и косая, мне все равно, я ее люблю. Это интересно, когда женщина косит глаза. Это очень привлекательно. Где мои ботинки на толстой подошве? Она сказала, чтобы я надел эти самые проклятые ботинки. Три дня льет дождь, Лиза боится, что я промочу ноги.

Наталья Федоровна. А что она тебе еще наказала?

Дмитрий Михайлович. Сказала, что сейчас такие ботинки в моде, сказала, чтобы я не сутулился, чтобы купил себе портфолио — такую ма-а-ленькую книжечку в кожаном переплете, чтобы записывать в эту книжицу всякую информацию. Прикинь, я всю жизнь проходил горбатый, а теперь я слежу — держу спину прямо. Правда, это чудесно? Как ты считаешь, я идиот или нет?

Наталья Федоровна. Да, Митя, у нас тобой большие неприятности.

Дмитрий Михайлович. Чувствую себя шестнадцатилетним пацаном. *(Поет.)* «Мама, я дурочку люблю-ю-ю-ю, мама, я дурочку люблю-ю-ю-ю...» Так что же нам делать теперь?

Наталья Федоровна. Во-первых, ни слова дочке. Таня ничего не должна знать. Она беременна, ей нельзя нервничать.

Дмитрий Михайлович. Могила.

Наталья Федоровна. Во-вторых... я не знаю, что во-вторых, я растерялась. Спокойно, без паники... что во-вторых?

Дмитрий Михайлович *(поет)*. «Мама, я дурочку люблю...»

Наталья Федоровна. Во-вторых... конечно, уходи на здоровье. С глаз долой — из сердца вон, я живучая, как кошка. Проживу и без тебя. Нет, постой, это в-третьих — уходи... а что во-вторых? Я волнуюсь, я забыла, что во-вторых. Это так все неожиданно.

Дмитрий Михайлович. Как же неожиданно, я за последний месяц три раза не ночевал дома, и ты ни разу не поинтересовалась, где я был.

Наталья Федоровна. Я хотела спросить, но испугалась.

Дмитрий Михайлович. А что ты испугалась?

Наталья Федоровна. А вдруг ты не солжешь и скажешь правду.

Дмитрий Михайлович. Это страшная пытка, я никуда не пойду, я остаюсь дома, у меня скоро родятся внуки,

они будут стоять в изголовье кровати, я ни за что не соглашусь умирать в больнице. Сколько я еще протяну? Сколько мне осталось жить? Когда, наконец, я стану дедушкой, на каком месяце наша дочь?

Наталья Федоровна. На седьмом.

Дмитрий Михайлович. Через два месяца я дедушка. Я старый человек, мне сорок четыре года. Какая к черту любовь? Мне нельзя есть жирное и острое, нельзя пить вино, потому что больная печень, мне нельзя ухаживать за девушками, потому что все они ровесницы моей беременной дочери. Мне все нельзя. Мне можно только то, что уже давно мне неинтересно... *(Пауза.)* Натя-ка выкусите. Я люблю монголку, я побегу к ней, по лужам босиком через всю Москву. К черту эти ботинки на толстой подошве. Я люблю девушек такими, какие они есть, я еще молод и полон сил, я в девушках вижу одни достоинства. Девушки — самые лучшие люди на земле! А среди девушек самая красивая — моя Лиза. Торопитесь любить меня таким, какой я есть, потому что я еще живой. Я ухожу.

Наталья Федоровна. Уходи.

Дмитрий Михайлович. Надеюсь, мы останемся друзьями.

Наталья Федоровна. Не сутулься.

Дмитрий Михайлович. Ну... я пошел. *(Уходит.)*

Наталья Федоровна. Постой.

Дмитрий Михайлович. Ну?

Наталья Федоровна. Завтра пойдешь. Сегодня переночуешь дома.

Дмитрий Михайлович. Завтра? Какая разница — сегодня или завтра?

Наталья Федоровна. Я что-нибудь придумаю. Вот что во-вторых. Я обязательно что-нибудь придумаю, вот что во-вторых. Мне нужно время. Ты знаешь, какая я хитрющая. Ты знаешь, какая я лиса.

Дмитрий Михайлович. Что ты придумашь?

Наталья Федоровна. Я тебя так просто твоей девушке не отдам.

Дмитрий Михайлович. Глупая лиса, живучая, как кошка. Ничего ты не придумашь. Что ты можешь сделать, если два человека повстречались в этой жизни и положили друг другу руки на плечи. Ну что, что ты можешь тут поделать? Ничего!

Наталья Федоровна. Ну, это мы еще посмотрим! Я за тебя буду сражаться насмерть.

Дмитрий Михайлович. В конце концов, я не вещь, чтобы меня отдавать или не отдавать.

Наталья Федоровна. Ты меня плохо знаешь, кабанчик. Я сделаю. Ты будешь ползать у меня в ногах, будешь клясться мне в любви и навсегда забудешь о самой красивой девушке в мире. Если этого не случится, уйдешь, как и собирался, но только не сейчас, через двадцать четыре часа.

Дмитрий Михайлович. Дурацкая затея. Один день ничего не решит.

Наталья Федоровна. Решит.

Дмитрий Михайлович. Что ты задумала?

Наталья Федоровна. Не скажу.

Дмитрий Михайлович. Ну, скажи, пожалуйста, мне интересно. Ну, Тата, ну скажи.

Наталья Федоровна. А вот никуда сегодня не уходи, тогда узнаешь.

Дмитрий Михайлович. Какая ты хитрая!

Наталья Федоровна. Очень.

Дмитрий Михайлович. Хорошо, до завтра останусь, но только из любопытства, не хочу, но останусь. Зачем ты надела плащ?

Наталья Федоровна. Мне некогда с тобой болтать, у меня очень мало времени. Ты мне дал слово. Из дома чтобы ни ногой.

Дмитрий Михайлович. Хорошо, хорошо, переночую дома, но только из любопытства.

Наталья Федоровна. Какой же ты нетерпеливый, это оттого что влюблен. Все со временем узнаешь.

Дмитрий Михайлович. Оденься потеплее, там холодно и дождь, зонт возьми, шарф надень.

Наталья уходит, он остается один.

...Ну что ты такое можешь придумать? Надо было раньше думать. Пойду прилягу. Не надо было отпускать, льет как из ведра. Куда она побежала? Грешен, господи, грешен. Обет молчания, обет безбрачия. Обет не мыться и не бриться. Живучая, как кошка, хитрая, как лиса, хищная, нежная, как устрица. А-я-я-я-яй. (*Уходит.*)

СЦЕНА ВТОРАЯ

В этом доме твердые стены. У венецианских стульев высокие подлокотники. Бюро и письменный стол пасутся в кабинете Аркадия Андреевича, как два носорога. Они питаются синдромами. Они пожирают заполненные от руки психологические тесты. Появляется Аркадий Андреевич, он говорит, через некоторое время вслед за ним появляется Наталья, она слушает Аркадия Андреевича.

Аркадий Андреевич. Но вы-то хороши, дотянули до последней минуты. Я как психолог, как естествовед, как мужчина скажу вам — распад семьи подобен распаду атома. Выделяется огромное количество слепой, разрушительной энергии, происходит взрыв, который способен уничтожить все живое вокруг. Но вы не волнуйтесь, мы загнем ему пальцы в кулак. Я не такие запущенные чувства спасал.

Наталья Федоровна. Мне рекомендовали вас как специалиста экстра-класса.

Аркадий Андреевич. У меня рекламаций не было. В случаях из ста я спасаю семью, любую, самую без-

надежную. Поэтому присаживайтесь и рассказывайте мне свою одиссею. Только с самого первого дня, с отплытия из отчего дома. В каком году вы поженились? А я пока за вами поухаживаю, вам сладкое или без?

Наталья Федоровна. В семьдесят пятом. С сахаром.

Аркадий Андреевич (*наливая чай*). В семьдесят пятом у меня были сильнейшие проблемы с геморроем. В ту пору я служил старшим офицером по режиму в магаданской исправительной колонии. Измучился страшно, бывало, семь потов сойдет, прежде чем гора с плеч рухнет. Один заключенный посоветовал пить натошак сырую воду. И что вы думаете — помогло. Столько лет прошло, а я все пью по утрам холодную сырую воду. Нет в мире ничего важнее и полезнее обыкновенной сырой воды. Именно сырой и никакой там не кипяченой. Вы уж извините меня, я вам говорю, может быть, очень прозаические вещи, но я на это имею полное право. *Я выстрадал*. Самое главное в жизни — это здоровье. А мы очень много говорим о вещах далеких, космических, но мало говорим о здоровье. Человек не любит своей телесности. А я не стесняюсь. Именно холодная сырая вода очень полезна по утрам, а не кипяченая. Знаете, как в тюрьме лишай лечат? Стекла в окне запотевают, так вот они стекольным потом мажут больное место. И что б вы думали — как рукой снимает. Что же вы, Наташа, чай не пьете? Пейте чаек и сушки ешьте. Они твердые как камень. Очень полезно для зубов, для десен.

Наталья Федоровна. Спасибо. Я сыта.

Аркадий Андреевич. Ну, не томите душу — что дальше было?

Наталья Федоровна. Мы оба учились в Ленинграде. Я в университете, на математическом факультете, а Дмитрий Михайлович, мой будущий муж, в морс-

ком училище. Мы познакомились на свадьбе у подружки, Вики Ильиной. Была у меня такая подружка, огромная, метра два ростом, но красавица. Чемпионка республики по легкой атлетике. Она кидала ядро на четырнадцать метров, а диск на тридцать восемь. А парень, за которого она выходила замуж, Леня Пантелеев, был скрипач. Они через два года развелись, потому что Вика сломала ему скрипку, ключицу и два ребра, когда он приударил за одной пианисткой.

Аркадий Андреевич. Природа очень разумно распределила силы. Если бы женщины были сильнее мужчин, человечество бы вымерло за какие-нибудь десять или двадцать лет. Мужчины были бы уничтожены физически из-за их склонности к измене. Природа все предусмотрела. Существа непостоянные в своих привязанностях, чтобы выжить, должны обладать недюжинной силой. И не только. Еще ловким умом, чтобы лгать, изворачиваться. Вот почему большинство изобретателей, конструкторов и вообще больших ученых — мужчины. Ведь когда ваш муж сказал вам о том, что уходит к другой, вам хотелось его убить? Не правда ли?

Наталья Федоровна. О да! Именно убить!

Аркадий Андреевич. Дело обыкновенное. В семьдесят девятом меня перевели в женскую колонию начальником медсанчасти. Так вот, добрая половина фей, золушек и белошвеек отбывали срок за убийство на почве ревности. Как раз в те годы я и увлекся психоанализом. У австрийского еврея профессора Франкла есть такая работа — «Психоанализ в концентрационном лагере». А я под впечатлением от нее написал свою под названием «Комплекс Электры в женской трудовой колонии строгого режима». Да ладно. Бог им, белошвейкам, судья. Вернемся к вашему замужеству. Итак, вы познакомились на свадьбе.

Наталья Федоровна. На следующий день после знакомства Митя пригласил меня в театр, договорились, что он зайдет за мной. Пришел к нам домой, красивый, в бескозырке, мы жили на Радищева с отцом и сестрой. И пока я одевалась и подводила глаза, он начал рассказывать всякие там истории, анекдоты. Так увлеклись его рассказами, что, когда посмотрели на часы, было уже двенадцать ночи. Обо всем на свете забыли. И про театр, и про вешалку, с которой он начинается, и про «Вишневый сад». Два года он ухаживал за мной. Потом поженились, потом его распределили плавать на Дальний Восток, на Камчатку, и я, беременная, поехала за ним на край света. Я все бросила: сестру, отца, Эрмитаж — и поехала за ним. В Петропавловске родила дочь. Жизнь была очень трудная, но интересная. За эти пятнадцать лет мы объездили всю страну. А десять лет тому назад его с плавсостава списали, приехали жить в Москву к его родителям. Он теперь служит в Министерстве морского флота. Я тоже устроилась хорошо. Обжились потихонечку, поднялись. И вот семья рушится.

Аркадий Андреевич. То есть до этого все было гладко, то есть все было как надо, то есть, как в песне поется, то есть без шероховатостей, то есть дом рушится впервые?

Наталья Федоровна. Не впервые.

Аркадий Андреевич. Интересно.

Наталья Федоровна. Когда жили на Камчатке, пришел Митя как-то с корабля, голодный как волк, и вдруг землетрясение баллов шесть, не меньше. Я Танечку схватила на руки и бегом на улицу. Мите кричу: «Вещи, деньги, одежду спасай!» — а он бегом на кухню. Схватил сковородку с блинами и вприпрыжку за мной во двор. Сидит себе спокойно на завалинке и уплетает за обе щеки, обжигается, любуется, как наш дом разваливается по частям.

Все, что нажили, все пропало. Рухнула крыша, перегородки не выдержали. Два месяца всей семьей жили на военном транспорте «Гремучий». Горят, говорит, эти деньги синим пламенем. Я тебе еще, мать, денег наплаваю. И наплавал ведь. Сколько всего с ним пережили. И землетрясение, и пожар, и тральщик он в Красном море утопил, и обморожился, и малярией болел, во время шторма в бухте Ольга, пьяный, после офицерской вечеринки за борт вывалился. А теперь эта Лиза Тентербаева. Я боец закаленный, ко всему привыкла, всего натерпелась, но эта Лиза Тентербаева ей-богу, стихийное бедствие похуже десяти землетрясений будет.

Аркадий Андреевич. Сколько лет вашей сопернице?

Наталья Федоровна. Двадцать.

Аркадий Андреевич. Ах ты, черт побери, двадцать лет, самое оно, самый сок. Нелегко нам с вами придется, Наталья Федоровна. Я понимаю — для вас это серьезное потрясение.

Наталья Федоровна. Баллов десять—двенадцать по шкале Рихтера.

Аркадий Андреевич. А вот если бы Японию потрянуло с тою же силою, что и вас, она бы ушла под воду. А вы ничего себе, розовощекая.

Наталья Федоровна. Спасибо вам на добром слове.

Аркадий Андреевич. Успокойтесь, голубушка, улыбнитесь. Я верну вам вашего мужа, у вас будет прекрасная семья. Отвечайте на мои вопросы коротко и точно. Вы часто ссорились?

Наталья Федоровна. Никогда.

Аркадий Андреевич. Однажды он стал к вам равнодушен.

Наталья Федоровна. Два месяца тому назад перестал замечать. Как будто я стеклянная.

Аркадий Андреевич. Приплюсуем сюда полную потерю сексуального аппетита.

Наталья Федоровна. Да.

Аркадий Андреевич. А на стороне уминает за обе щеки, так ведь?

Наталья Федоровна. Да.

Аркадий Андреевич. Вы покраснели, напрасно. Я не стану расспрашивать вас об интимных подробностях вашего брака.

Наталья Федоровна. Пощадите, Аркадий Андреевич.

Аркадий Андреевич. Я и сам не люблю разговоров на пикантные темы. Как говорится, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

Наталья Федоровна. Что вы имеете в виду?

Аркадий Андреевич. Я вам обещаю, Наталья Федоровна. У вас будет гармоничный брак, и никаких проблем. Через пять-шесть дней он навсегда забудет о том, что на свете существует, живет, учится и работает девушка по имени Лиза. Дмитрий Михайлович будет принадлежать, как и раньше, вам одной. Всего лишь за пять или шесть недель свершится чудо из чудес. Но для этого вы должны сделать то, о чем я вас сейчас попрошу.

Наталья Федоровна. Что?

Аркадий Андреевич. Вот вам конверт, самый обыкновенный конверт. Идите домой и тихонечко положите его во внутренний карман мужнего летнего костюма. Тихонечко, чтобы он сам об этом ничего не узнал. А если вы сомневаетесь в моей профессиональной компетенции и человеческой порядочности, тогда прощайте. Я ничем не могу вам помочь.

Наталья Федоровна. Я совсем не сомневаюсь. Вы такой милый человек.

Аркадий Андреевич (*вручает конверт*). Прекрасно. Возьмите. И пожалуйста, не звоните мне и не приходите больше по этому адресу. Вы знаете, сколько стоят мои услуги. Недешево, но именно таких денег оно и стоит — счастье.

Наталья Федоровна. Мне никаких денег не жалко.

Аркадий Андреевич. Ну и чудесно.

Наталья Федоровна. Я подумала: что если они на самом деле так сильно любят друг друга?

Аркадий Андреевич. Кто «они»?

Наталья Федоровна. Дмитрий Михайлович и Лиза.

Аркадий Андреевич. Ну и что тогда?

Наталья Федоровна. Пусть себе уходит, скатертью ему дорога.

Аркадий Андреевич. Не малодушничайте, Наталья Федоровна, счастье никогда никому не дается легко, за него надо сражаться. Вы любите своего мужа?

Наталья Федоровна. Больше жизни.

Аркадий Андреевич. Он тоже очень любит вас.

Наталья Федоровна. Но он говорит, что любит Лизу.

Аркадий Андреевич. Я даю вам честное слово, через неделю он будет ползать у вас в ногах и рыдать.

Наталья Федоровна. Честное слово?

Аркадий Андреевич. Клянусь. А письмо в карман ему положите. До свидания, голубушка.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Камера для свиданий в Бутырской тюрьме. Дмитрий Михайлович в традиционном русском народном костюме — робе каторжанина: полосатые штаны, крохотная шапочка. Он угрюмый не потому, что впервые попал в тюрьму, оттого что не маленький уже, понимает прекрасно — веселиться нечего. Со скрипом открывается железная дверь. Входит Наталья Федоровна. Она в роскошном платье. В маленькой красивой шапочке с блестками, на каблучках, с прекрасной сумочкой в руках. Контраст между одеждой Дмитрия Михайловича и Натальи Федоровны поражает воображение.

Наталья Федоровна. О господи, Митя, это ты?

Дмитрий Михайлович. Нет, Ната, это не я, это совсем не я, это вовсе не я, это то, что со мною сделали. По-

любуйся. Ведь ни за что. Я чист. Клянусь честью. Я голодовку объявил, три дня терпел... а сегодня не выдержал, поел супу и две чашки чая выпил.

Наталья Федоровна. Уж я-то знаю, покушать ты горазд. Тебе эту слабость не побороть.

Дмитрий Михайлович. В чем я провинился? Двадцать человек в камере, спим в три смены, на всех места не хватает. Духотища страшная. Наташа, я домой хочу.

Наталья Федоровна. А ты говорил, девушки — самые лучшие люди на земле. Вот они до чего тебя довели, твои страсти, твоя ненасытность.

Дмитрий Михайлович. Я ни в чем не виноват.

Наталья Федоровна. Прокурор сказал, что у тебя в кармане пиджака во время обыска нашли десять фальшивых платежных поручений, по которым было получено незаконно неизвестными лицами полтора миллиарда рублей. Ты что, с ума сошел, Дима? Зачем тебе столько денег?

Дмитрий Михайлович. Я за всю жизнь чужой копейки не взял, ты же прекрасно знаешь! Ты что, мне не веришь?!

Наталья Федоровна. Сам посуди, как я могу тебе верить? Два месяца изменял мне с Лизой, лгал, а теперь я должна тебе верить.

Дмитрий Михайлович. А ты не знаешь, как этот конвертик мог оказаться у меня в кармане?

Наталья Федоровна. Мне-то откуда знать. У Лизы спроси. Это она у тебя в карманах руки грела, когда вы в подъезде целовались.

Дмитрий Михайлович. Не надо спрашивать у Лизы. Не грела она руки в карманах, что ты сочиняешь, зачем греть руки в карманах пиджака, это же пиджак, это не шуба, да еще весной. Весной руки не мерзнут.

Наталья Федоровна. Вам, влюбленным, виднее — мерзнут у вас руки весной или не мерзнут.

Дмитрий Михайлович. Я нашу встречу представлял себе иначе. Неужели у тебя нет ни капли сострадания, сочувствия.

Наталья Федоровна. А что тебе сочувствовать? Тебе все завидуют. Нашел себе невесту на двадцать лет моложе. На той неделе твой приятель, Коля Прейман, сосед твой по гаражу, алкоголик, одноногий хам, подошел ко мне с улыбочкой на лице и говорит: о, капитанчик ваш, матросик-то, парень бойкий, мне бы, говорит, такую молодуху, я бы, говорит, перестал к старушкам приставать.

Дмитрий Михайлович. Умоляю тебя коленапреклоненно, давай переменяем пластинку. Что ты все про Лизу? Что, на ней клином свет сошелся? Я так рад видеть тебя. Я ни одного нормального хорошего человеческого лица за эти двадцать дней не видел. Если б ты только знала, как я обрадовался, когда ты вошла.

Наталья Федоровна. Вот если бы Лиза вошла, ты бы еще сильнее порадовался.

Дмитрий Михайлович. Мы не виделись с тобой двадцать дней, три недели в тюрьме — это десять смертей и десять жизней. Мы с тобой муж и жена. Я тебя умоляю, давай не будем ничего говорить о Лизе, давай поговорим о тебе, обо мне, о Тане, нашей дочери.

Наталья Федоровна. Ну, хорошо, не волнуйся. Поговорим.

Дмитрий Михайлович. Ну, слава богу.

Наталья Федоровна. Интересно, а вы когда-нибудь с Лизой о нас с тобой разговаривали?

Дмитрий Михайлович. Со мной по недоразумению произошло несчастье, я лишен самого дорогого, что только есть у человека, — чести и свободы. Я нуждаюсь в добром слове, в сочувствии. А ты мучаешь меня.

Наталья Федоровна. Я не уверена, что по недоразумению.

Дмитрий Михайлович. Ты действительно думаешь, что я преступник?

Наталья Федоровна. Матерый.

Дмитрий Михайлович. Следствию еще ничего не известно, а ей уже все известно. Они еще разберутся, еще извиняться будут. Дорого им обойдется мое прощение.

Наталья Федоровна. А что тут разбираться? И так все ясно.

Дмитрий Михайлович. И что же тебе ясно?

Наталья Федоровна. То, что ты вор.

Дмитрий Михайлович. Что же я украл?

Наталья Федоровна. Ты мой первый и единственный мужчина. Ты украл у меня жизнь, молодость. Но ты не только вор, ты еще и растлитель.

Дмитрий Михайлович. Кого я растлил?

Наталья Федоровна. Ребенка, девочку. Твоя Лиза. Она же еще маленькая. Ей по паспорту двадцать, а по уму больше тринадцати не дашь. Ты сожительствовал с ребенком, обокрал женщину. Ты вор и растлитель. И еще убийца. Когда ты сказал, что уходишь из дома, у меня чуть сердце не остановилось. Я расцениваю это как покушение на мою жизнь. Убийца, растлитель, вор. В сравнении с этими злодеяниями остальные меркнут. Какая разница, подделывал ты векселя или нет. Какая ерунда.

Дмитрий Михайлович. Зато теперь ты можешь быть спокойна, теперь я тебе не изменяю.

Наталья Федоровна. Бог с тобой. Живи с кем хочешь, меняй женщин как перчатки. Я уже махнула на тебя рукой.

Дмитрий Михайлович. Откуда им взяться, женщинам, в тюремной камере?

Наталья Федоровна. Мне надоело слушать твои отговорки. Живи как хочешь. И я буду жить, как захочу. Мы теперь свободны, как птицы.

Дмитрий Михайлович. Вот я и смотрю на тебя, приоделась. Я раньше на тебе таких платьев не видал.

Наталья Федоровна. Мне надо как-то устраивать свою личную жизнь. Иду сегодня в консерваторию.

Дмитрий Михайлович. С кем?

Наталья Федоровна. А тебе-то какое дело?

Дмитрий Михайлович. Я этого не одобряю, я считаю, что мы в наших отношениях до конца не разобрались.

Наталья Федоровна. Мне все ясно. Ты влюблен. У тебя роман. Я желаю тебе счастья. Ну и ты мне счастья пожелай.

Дмитрий Михайлович. А я говорю: поезжай сейчас домой и сиди дома тихо, как мышь.

Наталья Федоровна. Мне тоже хочется пожить в свое удовольствие. Я с тобой всю молодость скиталась, как жена декабриста. То Северное море, то Дальний Восток. Вот тебя упекут в Магадан лет на пять или десять — посмотрим, поедет твоя девушка за тобой в Магадан или не поедет. *(Читает по программке.)* Рахманинов. Концерт номер два для фортепиано с оркестром, до-минор.

Дмитрий Михайлович. Я думаю, что не поедет.

Наталья Федоровна. Я тоже так думаю. Ну, а если поедет, тогда я вас благословляю. Но она не поедет.

Дмитрий Михайлович. Я тоже так думаю, что не поедет.

В камеру входит тюремный контролер.

Мы, к собственному удивлению, узнаем его в лицо. Это Аркадий Андреевич Зеленин, только не в гражданском, а в форме надзирателя. У него наручники и резиновая дубинка на поясе.

Аркадий Андреевич. Свидание закончено. Руки на стол, сидеть смирно. А вы, гражданочка, пожалуйста, проследуйте за мной.

Наталья Федоровна. Прощай. Больше не приду. Не жди.
Аркадий Андреевич. Пстой, Наташа. Я сказать тебе хотел...

Аркадий Андреевич и Наталья Федоровна уходят.

Сцена четвертая

Они только вышли из камеры, сразу стали спорить. Сначала спорили, когда шли по коридору, потом в служебном кабинете Аркадия Андреевича.

Наталья Федоровна. Аркадий Андреевич, что же это мы натворили! Что же, что же мы натворили! Боже мой, что же я наделала. Какая я жестокая.

Аркадий Андреевич. Я вас умоляю, не Аркадий Андреевич, а Фадей Ильич, фамилия Спицын, контролер второй статьи, осуществляю надсмотр за заключенными. Зарубите на носу. Я вам объяснял, кажется. Об вас как об стенку горохом.

Наталья Федоровна. Мне его жалко, он такой несчастный, такой раздавленный. Я так не могу, я признаюсь, я расскажу следователю, это я подсунула ему этот проклятый конверт.

Аркадий Андреевич. Удалось сделать главное — вырвать его из рук Тентербаевой. Опоздай мы с обыском на полчаса, вы бы никогда больше не увидели своего мужа. Это была единственная возможность разрушить мезальянс, положить конец адюльтеру. Следователь знает, он в доле, он тоже за крепкие семьи. А прокурор человек порядочный — у него трое детей.

Наталья Федоровна. Митя такой бледный.

Аркадий Андреевич. Вспомните про свой цвет лица, когда он рассказал вам про свои сердечные победы и планы на жизнь.

Наталья Федоровна. Он такой жалкий, беззащитный. Когда увидела, мне захотелось его обнять, приласкать, поцеловать.

Аркадий Андреевич. Я вам дам команду. Когда будет можно. И обнять, и поцеловать, и к сердцу прижать. А пока держите дистанцию. Эти скоропостижные приступы нежности ни к чему хорошему не приводят.

Наталья Федоровна. А нельзя ли как-нибудь улучшить условия его содержания?

Аркадий Андреевич. Пусть пирог немного потомится, подойдет, через денька два переведем в одиночную, в хорошую камеру, со всеми удобствами. Пусть с братвой поживет, да еще в неправильной хате, с бандитами, с беспредельщиками, с шерстяными. Он только тогда и поймет, как хорошо ему в семье было, когда его по всем правилам пропишут, когда ему пару раз по голове чем-нибудь тяжелым врежут, когда они на него жути нагонят. Все познается в сравнении. У него была слишком счастливая жизнь, от такой холеной жизни любой оскотеет.

Наталья Федоровна. Все-таки жалко. Живой человек.

Аркадий Андреевич. Дней через десять мы переведем его в одиночную камеру для особо опасных преступников и больше никого, кроме вас, к нему не пустим, поэтому, если он скажет вам: «Моя единственная», — можете не сомневаться. Он не кривит душой — всем, кто хотел его утешить, уже отказано в свидании... А эта Лиза на самом деле еще дитяtko малое — принесла ему передачу три килограмма шоколадных конфет. Конфискованы: сладкое разрушает зубы.

Наталья Федоровна. Мне его очень жалко. Он такой родной человек, что я теперь делать буду, что же я натворила?

Аркадий Андреевич. Я вам скажу, что делать. Когда в другой раз придете, одевайте платье с огромным

разрезом на груди, и коротенькое — повыше колена. Походка от бедра, плечи свободные, в глаза ему много не смотрите, кокетничайте, не стесняйтесь, обратите внимание на руки. Руки — это очень важно. Рисуйте руками плавные линии. Смейтесь невпопад, время от времени запрокидывайте голову назад. Шея у вас лебединая, как песня. Вот вам английская книга, здесь написано, как жеманничать, кокетничать, соблазнять. Она называется «Мужчина на коротком поводке».

Наталья Федоровна. В молодости он меня любил, как любил, и я его так же любила, как любила, попростому. И мы были счастливы без ужимок и прыжков.

Аркадий Андреевич. Раньше я до утра спал, а теперь раз пять-шесть на ночь встаю.

Наталья Федоровна. Может быть, вы правы. Надо идти в ногу со временем.

Аркадий Андреевич. У меня к вам есть просьба.

Наталья Федоровна. Пожалуйста.

Аркадий Андреевич. Снимите с себя правую туфельку.

Наталья Федоровна. А зачем?

Аркадий Андреевич. Ну, не хотите, не надо.

Наталья Федоровна. Ну, хорошо, что дальше?

Аркадий Андреевич. Я сейчас встану на четвереньки, только вы не пугайтесь, а вы сядете на меня, мне на спину, посидите немного, а потом наденете свою туфельку.

Наталья Федоровна. А зачем, могу я узнать?

Аркадий Андреевич. Я вас очень прошу, посидите на мне верхом.

Наталья Федоровна. Ну, допустим. *(Садится на Аркадия Андреевича.)*

Аркадий Андреевич. А теперь надевайте ее.

Наталья Федоровна. Надела.

Аркадий Андреевич. Ну, спасибо, ублажили старика.

Наталья Федоровна. А зачем вам это нужно?

Аркадий Андреевич. Вы, наверное, подумали, что я из-вращенец?

Наталья Федоровна. Подумала.

Аркадий Андреевич. Напрасно. У меня сильнейшие приступы ревматизма.

Наталья Федоровна. А туфли зачем снимать?

Аркадий Андреевич. Дело в том, что ревматизм — это совсем не то, что думают врачи. Я вам потом объясню. Только вы меня, мамочка, не бойтесь.

Наталья Федоровна. Я вас не боюсь, вы хороший человек, это я сразу смекнула, как только вас увидела.

Аркадий Андреевич. Что правда, то правда, я никогда никого не обижаю. Меня в жизни много обижали, а я не умею, меня отец в детстве каждый день порол. На святой Руси сечь любят. Это наша страсть. На Западе она через Захер-Мазоха, как гнойный нарыв, прорвалась, а мы ее под сердцем носим. У всех народов на земле — это тайная страсть, порочная, а у нас на Руси явная страсть, добродетельная. И всякий, кого выпороли, мечтает стать экзекутором. Как мой папаша говорил... кого люблю, того и бью. Мы не только друг друга, мы целые народы одновременно любим и сечем на мраморе моченою лозою.

Наталья Федоровна. А кто был ваш отец?

Аркадий Андреевич. Плотник. Он каждый раз приговаривал: «Я с тебя, Аркашка, стружку сниму». И снял ведь. И отполировал, и лаком покрыл. Странно человек устроен. Когда он бил, я его ненавидел. А дня через три опять любил.

Наталья Федоровна. А кто такой Захер-Мазох? Химик?

Аркадий Андреевич. С одной стороны, вы человек, безусловно, просвещенный, а с другой стороны, совершенно темный. Не все сразу. Вот вам, почитайте для разминки. *(Вручает ей книжку.)* Камасутра. Древнеиндийское искусство любви.

Наталья Федоровна (*смотрит в книжку*). Это кто, ежики?

Аркадий Андреевич. Это люди!

Наталья Федоровна. Я человек русский. Зачем мне древнеиндийское искусство любви?

Аркадий Андреевич. По последним историческим данным, все европейские народы, в том числе и русские, вышли из долины Ганга.

Наталья Федоровна. А меня никто никогда не бил.

Аркадий Андреевич. А меня били... и однажды даже молотком. Вот сюда (*показывает на темечко*). Интересную заметку в газете прочитал. В Танзании будущий супруг должен повторять во время ритуала бракосочетания присягу: «Пусть я истеку кровью, пусть меня поразит молния, пусть меня сожрет крокодил, пусть я буду носить воду в корзине, если обману жену». А вы говорите, мы с ним жестоко обошлись. Ничего подобного. Надо было отдать его на съеденье крокодилу. Скоро полнолуние.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Обещанная Аркадием Андреевичем (Фадеем Ильичом) ночь с огромной, полной луной на небе... случилась. Дмитрию Михайловичу она принесла душевную смуту и беспокойство. Он долго ворочался на шконке (тюремные нары) в своей одиночной камере, куда его перевели пять дней тому назад, наконец встал, оделся и пошел метаться из угла в угол и сам с собою разговаривать. Аркадий Андреевич, зная о связи между душой Человека и Луной, время от времени склонялся над глазком в железной двери, чтобы иметь возможность наблюдать состояние своего подопечного. От тоски иные головой на стену кидаются.

Дмитрий Михайлович (*разговаривая сам с собой*). Что это со мной твориться такое? Вроде я Лизу люблю, а скучаю почему-то по Наташе. Непонятно. Может,

я не потому, что люблю, скучаю по ней, а потому что за многие годы у меня выработалась к ней, допустим, привычка. Поторопился я с объяснениями. Кто знал, что так получится? А надо было денечек выждать. Ах, Наташа, дорогая Наташа. Ты думаешь, так просто забыть тебя и вырвать из сердца? А ведь хорошо мы жили.

Стучит кулаками в железную дверь, на пороге вырастает его величество контролер.

Аркадий Андреевич. Что ты кулаками в дверь стучишь, пожалей ее, она ведь не живая, она железная.

Дмитрий Михайлович. Мне поговорить с вами надо, по душам.

Аркадий Андреевич. У меня души нет.

Дмитрий Михайлович. Я вас очень прошу. Передайте весточку, я письмецо жене напишу, несколько строчек. Что ты мычишь? Я же знаю, что ты берешь.

Аркадий Андреевич. Пиши, если денег не жалко (*закрывает дверь*).

Дмитрий Михайлович. Спасибо огромное (*берет лист бумаги, он пишет и проговаривает*). Здравствуй, дорогая Наташа. Моя родная, я люблю тебя одну, всегда любил и буду любить. Мне так плохо, так одиноко здесь. Приди, поговори со мной.

Воодушевленный, бросается к двери, стучит, дверь открывается.

Аркадий Андреевич. Ну?

Дмитрий Михайлович. Готово, я написал, на обратной стороне телефон и адрес. Деньги возьмите.

Аркадий Андреевич. Спать ложись, третий час ночи. (*Берет письмо, дверь закрывается.*)

Дмитрий Михайлович ходит из угла в угол и разговаривает сам с собой.

Дмитрий Михайлович. Нет, куда там. Она не простит. У нее началась своя жизнь и наверняка уже кто-то есть. Быстро, за одну неделю, стала чужая. Она меня, наверное, ненавидит. Что поделаешь, люди сходятся, расходятся. Проживу и без тебя. Это я придумал, что по тебе скучаю.

Бежит к двери, бьет в нее кулаками, дверь открывается, на пороге Аркадий Андреевич.

Аркадий Андреевич. Ну?

Дмитрий Михайлович. Отдайте письмо. Я другое напишу.

Аркадий Андреевич. Беспокойный ты малый. Трудно тебе будет в жизни с таким характером.

Дмитрий Михайлович. Я вас очень прошу, верните.

Аркадий Андреевич. Как же я верну, когда уже уплочено. Ты что, хочешь меня по миру пустить? Вот бандит. Ты сначала своим трудом копейку заработай, прежде чем чужую отнимать. На воле вы никого не жалеете, и за решетку посади — все за свое, не можете не воровать, не насильничать.

Дмитрий Михайлович. Оставьте деньги себе, я вам сейчас другое письмо напишу.

Аркадий Андреевич. Мне писать письма не надо. Вот он я, весь перед тобой.

Дмитрий Михайлович. Человек хороший, не капризничай, а?

Аркадий Андреевич. Быть хорошим человеком мне не по средствам.

Дмитрий Михайлович. Я еще заплачу, письмо верни *(берет из рук контролера, рвет)*.

Контролер уходит. Дмитрий Михайлович садится и пишет письмо:

Здравствуй, дорогая моя Лизаветочка, моя ласточка. Здравствуй, мой стригунок. Не зря люди говорят: от тюрьмы и от сумы не зарекайся. Но я скоро выйду отсюда и обниму тебя. Всему, что обо мне ни ска-

жут, — не верь. Ты у меня одна на белом свете. Когда любишь, любые испытания переносятся значительно легче. Сейчас мы далеко друг от друга, но мне кажется, что я держу твою маленькую ладошку в своей руке. Скоро увидимся. Целую тебя, моя любимая.

Дмитрий Михайлович складывает записку, идет к двери, стучит, дверь открывается.

Аркадий Андреевич. Ну что, страдать еще не устал?

Дмитрий Михайлович. Я здесь еще кое-что написал.

Аркадий Андреевич. Не возьму.

Дмитрий Михайлович. Почему?

Аркадий Андреевич. Потому, что ты сначала как следует подумай, а потом пиши. У меня ноги не казенные по коридору бегать.

Дмитрий Михайлович. Предлагаю окончательный вариант.

Аркадий Андреевич. Денег не надо, возьму только под честное слово, что в последний раз.

Дмитрий Михайлович. Скажите, а как вас зовут?

Аркадий Андреевич. Спицын моя фамилия, Фадей Ильич.

Дмитрий Михайлович. А зовут как?

Аркадий Андреевич. А тебе-то какая разница, ты что, ухаживать за мной собрался? Сердцеед. Я не собираюсь всю ночь на свиданки к тебе бегать. Все, баста, последний раз. Не то я тебе деньги верну и посажу в камеру к венерикам. Из шести человек — трое активные. Там тебе не до писанины будет.

Дмитрий Михайлович. Это очень важное письмо, я из-за него на эшафот пойду. От него зависит моя судьба.

Аркадий Андреевич. Так уж и быть, давай сюда. Я тебя прошу по-хорошему, ложись, пожалуйста, спать. Давай-ка, товарищ, на боковую. *(Берет письмо.)*

Дмитрий Михайлович. Спокойной ночи. Извините, спасибо вам. Вы хороший человек, вы не поверхностный, вы глубокий человек.

Аркадий Андреевич. Спать ложись, утро вечера мудренее.

Контролер уходит, а Дмитрий Михайлович садится на край шконки и подпирает кулаком подбородок. Думает. Опять встает, ходит из угла в угол.

Дмитрий Михайлович (*Думает*). Что такое семь лет? Через семь лет мне шестой десяток пойдет. А что Лиза? А ей будет всего двадцать семь. Тьфу, ничего. А у меня уже сейчас ноги болят. Всю молодость по колено в ледяной воде. Какое у меня здоровье? И что, она будет возиться со мной, с пожилым, молодая, красивая девка?.. Конечно, будет. Она меня очень любит. Так и пройдет вся молодость в романе с военным пенсионером. Она-то еще глупенькая, этого не понимает, об этом не думает. Но я-то старше, я-то обязан об этом подумать. Я не имею права не думать. Наташа права, она еще совсем девочка, ребеночек. Да... сосуды у меня ни к черту. И сердце болит. Только мы с Лизочкой заживем душа в душу, как я обязательно сто процентов врежу. Как пить дать врежу. Вот Саша Никифоров, мой однокашник, капитан первого ранга... какой здоровый был, а вот взял и умер. Каково ей будет меня хоронить? Только привязалась, только привыкла к мужчине, к первому в своей жизни, и вот уже венки заказывай. Бедная, несчастная девочка. За что ей такие страдания. Какая же я сволочь, только о себе думаю. Это хорошо, что меня посадили. Пусть себе найдет молодого и красивого парня, ровесника. Эх, Дмитрий Михайлович, разве можно так обращаться с чужой человеческой жизнью? Тем более что и отца у нее нет, и заступиться за нее некому. Нельзя нам с Лизой, нельзя, ни в коем случае нельзя! (*Стучит кулаками в дверь, кричит как резаный*). Нельзя, ни за что нельзя, ни в коем случае нельзя. Откройте, дверь откройте! Что же вы делаете, двери откройте, я вас очень

прошу, люди добрые, откройте, люди, люди добрые, откройте!

Дверь открывается, на пороге Аркадий Андреевич.

Аркадий Андреевич. Собирай вещички, пойдём-ка по хорошему, я тебя живым в стену замурую, пойдём, голубчик, со мною, отмучился. Собирай манатки.

Дмитрий Михайлович. Умоляю, Христом Богом прошу, отдай мне мой листочек. Ребенка пожалей, ей всего то двадцать лет. Она ни в чем не виновата! Зачем мне ее обнадеживать? Ничего хорошего из этой затеи не получится. Она еще сама десять тысяч раз влюбится и десять тысяч раз меня бросит. И так же на следующий день забудет.

Аркадий Андреевич. Я тебя, парень, никогда уже не забуду. Ты за эту ночь мне как родной стал.

Дмитрий Михайлович. Спицын, я твою фамилию возьму, только отдай мне сейчас этот проклятый клочок бумаги.

Аркадий Андреевич. Подавись (*даёт в руки, уходит*).

Кто-то кричит в коридоре, контролера кто-то зовет, контролер уходит на свидание с чужим голосом. Дмитрий Михайлович остается один. Рвет письмо. Обессиленный душевной борьбой, падает на нары. Лежит неподвижно. Недолго. Садится и снова заговаривается.

Дмитрий Михайлович. Мы поженились, когда нам было по девятнадцать. Крови свои и души десять тысяч раз перемешали: болели, умирали, выздоравливали, рожали, ночей не спали, я не верю, не может быть... Наташа меня любит... (*Достаёт новый лист бумаги, пишет.*) Здравствуй, дорогая и единственная моя законная жена, здравствуй, Наташенька. Если б ты только знала, как я люблю тебя, как скучаю по тебе. Я люблю тебя, моя звездочка, люблю только тебя одну. Приди, поговори

со мной, воскреси меня, дай мне прозреть, прикоснись руками к моим глазам. Твой Митя.

Бежит к двери, со всей силы стучит кулаками в дверь.

Дмитрий Михайлович. Фадей Ильич, ну, хоть краешком глаза в окошечко загляни, ну, проснись ты, тебе же спать нельзя, ты на службе.

Дверь открывается, в дверях Аркадий Андреевич.

Аркадий Андреевич. Что же ты так мучаешься, может, к тебе священника позвать?

Дмитрий Михайлович. Жене моей передайте письмо.

Аркадий Андреевич. В шестнадцатой камере мокрушник сидит, человека убил, тоже мучается. Четыре дня уже не спит. Совесть проснулась. Какие же вы тяжелые люди. Сколько в жизни всего хорошего, а вас на подвиги тянет? Ну ладно. Давай сюда. Мне тебя, мерзавец, жалко.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

В той же одиночной камере несколько дней спустя. Дмитрий Михайлович лежит на нарах. В зарешеченное окошко льется сиреневый свет. Работает вполголоса радиоточка. Что-то говорят о визите одного президента на побывку к другому. Вдруг Дмитрий Михайлович слышит — в коридоре цокают каблучки. Он воодушевляется. В камеру, вслед за скрежетом, входит Наталья Федоровна.

Дмитрий Михайлович. Здравствуй, Ната.

Наталья Федоровна: Здравствуй, Митя.

Дмитрий Михайлович: Ты опять в обновке. А я все хожу в одном и том же.

Наталья Федоровна. Когда ты за мной ухаживал, у тебя был единственный костюм. Ты носил его пять лет и не извинялся.

Дмитрий Михайлович. Как ты живешь там... без меня?

Наталья Федоровна. Вчера отчитывалась в налоговой инспекции. Сидела перед начальством пунцовая как рак, разволновалась, думала, что цифры не сойдутся. И, представь, мне стало очень обидно из-за того, что они сошлись. Как будто не о чем больше волноваться. На что мы свою жизнь размениваем?

Дмитрий Михайлович. На свете существуют очень приятные пустыки. Лежишь летом на лугу, а у тебя по руке муравей ползет.

Наталья Федоровна. Что это ты вдруг о муравьях заговорил?

Дмитрий Михайлович. Валяюсь на нарах и воображаю, как это все там без меня оживает потихонечку. Вот цветок распускается... а вот полетела стрекоза. А у реки как хорошо. И такой свежестью на меня потянет порой, что голова кружится.

Наталья Федоровна. А мне здесь нравится у тебя. Уютно. Помнишь, в Батуми мы снимали комнату на лето. Примерно такая же маленькая. В семьдесят седьмом году.

Дмитрий Михайлович. Только вот окошко было пониже и пошире... Ты мою записку получила?

Наталья Федоровна. Да.

Дмитрий Михайлович. Это я ее написал.

Наталья Федоровна. Молодец.

Дмитрий Михайлович. Ты злишься на меня, я знаю. И правильно делаешь. Я бы на твоём месте, если бы ты натворила то, что я чуть было не натворил, я бы, может быть, еще и не так бы на тебя разозлился бы!

Наталья Федоровна. Я бы никогда, никогда ничего подобного не натворила бы. Ты это прекрасно знаешь. Когда ты в море ходил, я тебя по семь месяцев ждала.

Дмитрий Михайлович. Можно я твою руку в своей поддержке?

Наталья Федоровна (*дает руку*). Подержи.

Дмитрий Михайлович. Так здесь тихо и даже хорошо, а покоя нет в душе.

Наталья Федоровна. Пантелеева Нина нашла мне молодого человека. Он теперь ухаживает за мной.

Дмитрий Михайлович. Это тот, с которым ты в консерваторию ходила?

Наталья Федоровна. Нет. Это уже другой.

Дмитрий Михайлович. Bravo, ты пользуешься успехом. Я сам виноват, так мне и надо.

Наталья Федоровна. Пока что только ухаживает.

Дмитрий Михайлович. Скажи ему, если он хоть раз коснется тебя пальцем, я его убью. Он знает, что твой муж рецидивист?

Наталья Федоровна. Нет. Но я скажу.

Дмитрий Михайлович. Наташа, я трус, я боюсь тебя потерять.

Наталья Федоровна. А ты не бойся ничего. Не бойся этой тюрьмы, что я брошу тебя, как ты меня бросил.

Дмитрий Михайлович. Меня посадят, как пить дать! А им все равно, кого сажать. Они людей, как лук, сажают. У них есть свой план посевных работ. Но я живой человек, я не овощ, не сельдерей. Я люблю тебя, Наташа. Я жить хочу.

Наталья Федоровна. Я говорила с прокурором и со следователем. Они не нашли ни одного твоего сообщника. Это обнадеживает. Но ты не поэтому не бойся. А потому что я люблю тебя. И всегда буду любить тебя одного, Митя.

Дмитрий Михайлович. Только вот сейчас понял — какая же я сволочь, как я виноват перед тобой.

Наталья Федоровна. Я видела ее, она, если честно, очень хорошенькая девушка. Всякий на твоём месте влюбился бы.

Дмитрий Михайлович. И ты бы на моем месте в нее тоже влюбилась бы? Если бы, допустим, была мужчиной?

Наталья Федоровна. Ты понимаешь, о чем ты меня спрашиваешь? Ну, какой же ты после этого не сельдерей? Сельдерей! Тебя за глупость сажать надо. Влюбилась бы я в Лизу?

Дмитрий Михайлович. Очень на душе тяжело. Предал я тебя!

Наталья Федоровна. Ну а если я тебе скажу, что... я тебе однажды изменила, тебе легче станет?

Дмитрий Михайлович: Еще бы...

Наталья Федоровна. В восьмидесятом году, когда ты служил в Анапе, вы с друзьями после корабельной качки и шести месяцев сухого закона поехали на экскурсию на винный завод. Помнишь?

Дмитрий Михайлович. Как же не помнить. Это мне в благодарность директор завода экскурсию для младших офицеров организовал. Я ему поставил на цистерны с вином сигнализацию с учебной подводной лодки, чтобы рабочие вино не воровали.

Наталья Федоровна. Так вот, в тот вечер вас всех привезли в кузове грузовой машины, как дрова. Шофер позвонил мне в дверь и говорит: «Идите, который тут ваш, выбирайте». Темно — хоть глаз выколи. И у всех на лицах одно и то же выражение. Я стала по звездочкам на погонах смотреть, ты же был единственный в экипаже капитан-лейтенант. Матрос с мичманом и шофером тебя в дом внесли, раздели, спать уложили. А ночью ты, когда очухался слегка, ко мне приставать стал. Темно, я спросонок ничего не вижу, и вдруг в тебе чувства проснулись. Не могла же я тебе отказать. А утром, когда рассвело оказалось, что ты — это не ты. А Коля Савицкий, капитан третьего ранга.

Дмитрий Михайлович. Верно, мы с ним выпили на брудершафт и кителями махнулись, и похож он на меня, такого же роста и брюнет. Ах ты сукин сын... А я-то где был?

Наталья Федоровна. Вот уж не знаю.

Дмитрий Михайлович. А я-то думал: что это Коля тебя как огня боится. Я ему — заходи в гости, а он — никогда. Вспомнил, где я был, меня на заводе в коньячном цехе забыли.

Наталья Федоровна. Но я не специально. Я думала, что ты это ты, а это не ты. Он тоже меня с женою перепутал. Он тоже вроде не хотел. Ты уж прости меня.

Дмитрий Михайлович. Ну, ладно тебе, не реви.

Обнимает ее и целует, и тут между ними происходит то, что происходит обычно между любящими после длительной разлуки.

Сцена седьмая

Наташа выходит из камеры, волосы растрепаны, она поправляет бретельку. Ее лицо напоминает полотно импрессиониста. Митя не успел доесть макияж, и, как маленький мальчик, страдающий отсутствием аппетита, размазал пудру, помаду, румяна. Аркадий Андреевич держится за поясицу. Он наблюдал за любовной схваткой через глазок в железной двери.

Наталья Федоровна. Вы волшебник, Аркадий Андреевич, вы самый добрый волшебник на свете, я вам очень благодарна, я так счастлива. Об одном вас очень прошу, выпустите его поскорее отсюда.

Аркадий Андреевич. Не стану скрывать от вас — я все видел.

Наталья Федоровна. Все видели? Какой ужас!

Аркадий Андреевич. Да, да, я все видел, через глазок в двери.

Наталья Федоровна. Я слышала глухой такой звук. Как будто кто-то с обратной стороны бился головой о железную дверь.

Аркадий Андреевич. Это была моя голова.

Наталья Федоровна. Что случилось?

Аркадий Андреевич. Меня то и дело бросало в сон. Ноги подкашивались, я раз пять заснул. Скучно, Наталья Федоровна, все это очень, очень скучно.

Наталья Федоровна. Неужели?

Аркадий Андреевич. Я с трудом досмотрел финал. Жалкое зрелище. Рано, рано вы радуетесь.

Наталья Федоровна. Ему, видите ли, скучно. А кто же вам сказал, что должно быть весело? Это вам, Аркадий Андреевич, не цирк.

Аркадий Андреевич. Как же не цирк? Позвольте, позвольте. Хороший, полноценный секс — это самый настоящий цирк во всем его блеске и многообразии. Это оригинальный жанр, эксцентрика, клоунада, хождение по проволоке, воздушная акробатика. Это фантастическое многообразие жанров. Один раз и только у нас, сегодня и больше никогда, — абракадабра. Алле-хоп, хоп-ля-ля. А наездница вы, Наташенька, ну просто никакая. И жонглировать вы не умеете. И гибкости у вас мало.

Наталья Федоровна. А я полагаю, что это не цирк.

Аркадий Андреевич. Через две недели вы прибежите ко мне и скажете, что ваш семейный ковчег опять идет ко дну. Именно цирк. Говорящий слон, читающая лошадь. Женщина-змея. Поединок с кровожадным зверем. Вообразите: она выходит на арену с плетью в руке и укрощает свирепого хищника. Вы что же, матушка, не читали Захер-Мазоха?

Наталья Федоровна. Что вы ко мне пристали со своим Захер-Мазохом. Я вам уже говорила, что не читала.

Аркадий Андреевич. Именно цирк. А у вас получается что-то вроде духового оркестра в городском саду. Можно газетку почитать и обменяться мнениями насчет погоды. Никуда не годится. На таком плохом сексе хорошей семьи не построишь.

Наталья Федоровна. А я люблю духовой оркестр, особенно вальс «Амурские волны».

Аркадий Андреевич. Хороший вальс. Спору нет. Но любое дело надо доводить до конца. Не расстраивайтесь. Я вас всему научу. Это моя профессия. Я такие тайны, такие тонкости знаю. У вас еще будет грандиозный успех, цветы, овации, аншлаги. Немного фантазии, трудолюбия и таланта.

Наталья Федоровна. Вы знаете, я, наверное, не сумею. Я выросла в провинции, мои родители — люди простые, скромные, отсталых взглядов. Я восемь лет преподавала в школе математику. Отпустите Митю. Он все понял, он исправился и больше так никогда не будет.

Аркадий Андреевич. Не малодушничайте, Наташенька, ну-ка, возьмите себя в руки. У вас еще все впереди, жизнь только начинается. Вот увидите — вы еще мне не такое спасибо скажете, какое уже сегодня сказали, совсем другое, настоящее спасибо.

Наталья Федоровна. Может быть, не надо?

Аркадий Андреевич. Надо. Обязательно. Надо. Надо стремиться к гармонии, к самоусовершенствованию. Именно что цирк. Именно.

А К Т В Т О Р О Й

сцена первая

Арена доверху засытана свежими опилками. Волнуется публика, скользят лучи прожекторов. На арену выходят два клоуна. Белый и рыжий.

Наталья Федоровна. Здравствуй, Ко-Ко.

Дмитрий Михайлович. Здравствуй, Франсуа.

Наталья Федоровна. Ты почему такой грустный, Ко-ко?

Дмитрий Михайлович. У меня экзистенциальный кризис, Франсуа.

Наталья Федоровна. Ты такой красивый, Ко-Ко. Ударь меня мешком по голове, и тебе сразу же станет легче. И жизнь снова покажется прекрасной.

Дмитрий Михайлович. Не помогает... Я медленно превращаюсь в манную кашу. Я загустеваю, меня пересолили. Я сам себе глубоко неприятен.

Наталья Федоровна. Есть одно средство, Ко-Ко.

Дмитрий Михайлович. Какое?

Наталья Федоровна. Мы будем играть в мяч, Ко-Ко.

Дмитрий Михайлович. Я боюсь, у меня не получится.

Наталья Федоровна. Не бойся, Ко-Ко. Возьми в руки мяч (*дает мяч*). А я возьму сачок (*у нее в руках сачок*). Я буду держать сачок, а ты постарайся попасть. Отойди от меня подальше. Это очень веселая игра. Кидай.

Дмитрий Михайлович (*кидает*). Мимо.

Наталья Федоровна. Не отвлекайся, Ко-Ко. Когда ты бросаешь мяч, ты должен думать только о сачке. Ты посмотри, какой у меня соблазнительный сачок.

Дмитрий Михайлович. А что я должен о нем подумать?

Наталья Федоровна. Какой хороший сачок, какой красивый, из марли. Удивительный сачок.

Дмитрий Михайлович. Хорошо, Франсуа, я буду думать только о сачке (*кидает*). Мимо, опять промазал. Вот несчастье.

Наталья Федоровна. Я вижу по твоему лицу, Ко-Ко, ты думаешь не о сачке. О чем ты думаешь? Или ты не о моем сачке думаешь?

Дмитрий Михайлович. Я подумал, что не успею составить подробную картографию Северного морского пути к положенному сроку. За меня эту работу, Франсуа, никто ни за что не сделает.

Наталья Федоровна. Это все мелочи жизни, Ко-Ко. Мы с тобой играем в мяч. Сосредоточься. Все настоящие мужчины только и думают о том, чтобы поиграть в мяч.

Дмитрий Михайлович. Кажется, он медленно сдувается, Франсуа.

Наталья Федоровна. Я тебя научу. Ты должен заколдовать сачок. Ты должен произнести заклинание. Ко-Ко, ты должен задобрить его и сказать мне что-нибудь ласковое. Ты очень торопишься, постарайся разбудить мое воображение.

Дмитрий Михайлович. Я очень боюсь промахнуться. Может быть, ты сперва нальешь мне сто грамм для ловкости рук? Я выпью, а когда подействует, брошу мяч.

Наталья Федоровна. Знаю я тебя, Ко-Ко, стоит тебе выпить самую малость, как ты поворачиваешься ко мне спиной и хранишь.

Дмитрий Михайлович. Я тебя прошу, подойди поближе, ты стоишь очень далеко.

Наталья Федоровна. Если я подойду к тебе поближе, у тебя пропадет интерес. Ну-ка, давай кидай, ты один раз попадешь, а потом тебя за уши не оттащишь.

Дмитрий Михайлович. Ты можешь мне объяснить, Франсуа, зачем мы так мучаемся?

Наталья Федоровна. Для того чтобы получить удовольствие, Ко-Ко.

Дмитрий Михайлович. Скажи, а кто из нас должен получить удовольствие?

Наталья Федоровна. Мы оба.

Дмитрий Михайлович. Но я не получаю никакого удовольствия.

Наталья Федоровна. В этом весь секрет, Ко-Ко. Ты сможешь получить свое удовольствие только тогда, только после того, как я его получу. Поэтому ты должен очень постараться сделать мне приятное. Кидай. Если ты захочешь по-настоящему, у тебя обязательно получится. И даже если захочешь и кинешь в другую сторону (*берет у него мяч из рук и показывает, как он полетит, траекторию*),

ты ни за что не промахнешься. Ты его кинешь вон туда, а он полетит, полетит вот сюда, в сачок.

Дмитрий Михайлович. Я не понимаю, Франсуа, все так запутано, но я еще раз попробую.

Наталья Федоровна (*неожиданно гонится за мухой*).
Муха!!!

Дмитрий Михайлович. Сдалась тебе эта муха.

Наталья Федоровна. Я не могу играть в мяч, Ко-Ко, когда у меня на носу сидит муха. Ничего, давай еще разок попробуем.

Дмитрий Михайлович. Давай отдохнем, Франсуа.

Наталья Федоровна. На том свете отдохнем, мой милый.
А ну-ка, сосредоточься.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Наталья Федоровна идет на десятое по счету свидание. Ее встречает и провожает в камеру Аркадий Андреевич (Он же тюремный контролер Фадей Ильич).

Аркадий Андреевич. Я вчера видел вас на Тверском бульваре. Вы сияете, как десять тысяч звезд.

Наталья Федоровна. Такое чувство, будто у нас открылось второе дыхание. Митя сказал мне вчера, что любил всегда только меня одну, даже тогда, когда у него был роман с Лизой. Он признался в том, что это было как наваждение. Как глубокий и тяжелый сон.

Аркадий Андреевич. С добрым утром.

Наталья Федоровна. Что?

Аркадий Андреевич. Вы должны были ему это сказать — с добрым утром.

Наталья Федоровна. Зачем вы натираете ваксой сапоги, от вас за три версты разит. Вы симпатичный человек, зачем вам этот блеск на ногах?

Аркадий Андреевич. Ну что мы с вами разговоры разговариваем — идите к нему, он вас заждался.

Аркадий Андреевич открывает дверь камеры.

Наталья Федоровна. Я разговаривала с прокурором, он сказал, что, возможно, очень скоро тебя освободят.

Дмитрий Михайлович. Жаль, а я уже стал привыкать к этой камере, к нашим свиданиям.

Наталья Федоровна. Ты наивный романтик, во всем найдешь положительные стороны.

Дмитрий Михайлович. Я отдохнул от рапортов, от коридоров и начитался хороших книг, выспался, как утопленник, в свое удовольствие.

Наталья Федоровна. А я как проклятая работаю... ревизия Центробанка, будь она неладна. Не могла заснуть — всю ночь цифры перед глазами кувыркались.

Дмитрий Михайлович. Никаких тебе телефонных звонков, проверок и чрезвычайных ситуаций на море. Как подумаешь, что надо будет на работу вставать к восьми (*зевает*) — страшно становится. Опять они меня впрягут, как ломовую лошадь, и повезут я на своем хребте сразу три пароходства.

Наталья Федоровна. Иногда я тебе завидую.

Дмитрий Михайлович. Хорошо было бы, если бы ты проворовалась, если бы тебя замели, Натуля, и ты переехала бы ко мне жить с вещами.

Наталья Федоровна. Валялась бы себе на нарах день-деньской с мужичком. И никаких тебе печалей. Одна любовь.

Дмитрий Михайлович. Одна беда — здешние повара все до одного воруют. Вчера опять была каша без масла.

Наталья Федоровна. Хорошо было бы взять в надзиратели хорошую домработницу, немолодую женщину. Добропорядочную, в годах. Чтобы она вкусно готовила, прибирала в камере и каждое утро носила горячий завтрак в постель.

Дмитрий Михайлович. Какая прекрасная утопия. Это как Город солнца Томмазо Кампанеллы.

Наталья Федоровна. Только ты и я. И никого больше. И никто никогда не вмешается в нашу с тобой жизнь. Ни друзья, ни родственники, ни мужчины, ни женщины, только ты и я. Тогда уж точно нас с тобой никто не разобьет.

Дмитрий Михайлович. Какие у нас с тобой стали странные фантазии.

Наталья Федоровна. Почему фантазии? Я завтра же перееду к тебе. И домработницу мы найдем. И проживем в свое удовольствие. Пошли они все к черту со своими платежными поручениями и безналичными расчетами. Я, черт побери, женщина, а не счетная машина с железной ручкой в голове. Я хочу любви, и больше мне ничего не нужно. Любви и покоя, и больше ничего.

Дмитрий Михайлович. Какую же ты, Наташа, несешь околесицу, любимая моя. Это все-таки тюрьма. Государственное учреждение.

Наталья Федоровна. Давай с тобой спорить на что угодно. Я к тебе завтра перееду с вещами.

Дмитрий Михайлович. Заранее уверен, что проиграю. Видал я разные казенные дома, а в этом — все продается, все покупается. Очень бойкое местечко. Если тебя ко мне в камеру водят, ты, поди, знаешь, кому дать в лапу. Да к тому же нельзя сказать, чтобы наш случай был из ряда вон выходящим... в четырнадцатом блоке живут две семьи.

Наталья Федоровна. Как интересно, расскажи!

Дмитрий Михайлович. Но сама понимаешь, семьи в каком-то смысле неполноценные. Тюрьма-то мужская.

Наталья Федоровна. И что, дружные семьи?

Дмитрий Михайлович. Сроки большие — семьи крепкие.

Сцена Третья

Конечно, Наталья Федоровна все устроила, заплатила денежку и съехала к мужу. Ничего удивительного. Деньги правят миром. И вот супруги Плоховы лежат себе на нарах, счастливые, и часов не наблюдают. А домработница за стеной хлопочет.

Наталья Федоровна. Ты слишком много читаешь.

Дмитрий Михайлович. Я уже как лет десять хотел перечитать Платона, и все времени не было. Не могу сказать, что все понимаю, но удовольствие колоссальное — чувствовать себя мыслящим человеком. Я думать отвык — всю жизнь людьми команду.

Наталья Федоровна (*смотрится в зеркало*). Кажется, у меня нос длиннее стал, он что, растет?

Дмитрий Михайлович. Не волнуйся, в твоем возрасте носы не растут.

Наталья Федоровна. А в каком возрасте растут?

Дмитрий Михайлович. У девочек до одиннадцати лет, у мальчиков до тринадцати.

Наталья Федоровна. Я верю, что человеческое лицо со временем меняется.

Дмитрий Михайлович. Мы заведем специальную тетрадь, Тата, и будем каждое утро мерить твой нос линейкой и делать в тетрадке записи. Таким образом мы выясним, растет он или нет.

Наталья Федоровна. Говорят, что со временем муж и жена становятся похожи друг на друга. Скажи, а разве мы с тобой похожи?

Дмитрий Михайлович. Не очень.

Наталья Федоровна. А раньше сходство имелось, а теперь у тебя глазки стали узенькие и скулы вышли вперед. Сколько еще времени понадобится, чтобы ты опять похорошел?

Дмитрий Михайлович. Мы с тобой давно друг друга простили и на эту тему по взаимному согласию наложили мораторий.

Наталья Федоровна (*зовет*). Вера Алексеевна!

Открывается дверь, на пороге — Аркадий Андреевич Зеленин в образе Веры Алексеевны, домработницы. На нем широкий сарафан, очки и платок, повязанный узлом на затылке. На поясе ключи.

Вера Алексеевна. Слушаю вас, Наташенька.

Наталья Федоровна. Будьте любезны, Вера Алексеевна. Чашечку кофе и одну чая с двумя кусочками сахара.

Вера Алексеевна. Сейчас сообразим.

Вера Алексеевна уходит хлопотать.

Наталья Федоровна. Правда, она милая?

Дмитрий Михайлович. Кажется, я ее раньше где-то видел. Лицо знакомое.

Наталья Федоровна. Таких лиц очень много, рядовое лицо.

Дмитрий Михайлович. Она какая-то угловатая, твердая, эта твоя Вера Алексеевна.

Наталья Федоровна. Что ты имеешь в виду?

Дмитрий Михайлович. Вчера саданулся об нее ногою. Чуть сознание не потерял, аж замутило. И ваксой несет. Такая вонища.

Входит Вера Алексеевна с подносом.

Наталья Федоровна. Спасибо вам большое, дорогая Вера Алексеевна.

Вера Алексеевна. Хлопотливый денек сегодня выдался — убегалась я. Ноги гудят, как паровозы, аж ботинок под собой не чувствую. Проложить бы рельсы из кухни к вам сюда в гостиную, поставить бы меня на колесики и давай туда-сюда ездить. Вот тогда и помечтать можно. Вы сегодня двенадцатый раз на дно кофе пьете. Смотрите, посинеете вы от кофе. Моя сноха тоже пристрастилась, так у нее руки стали как у мертвеца — синие, как море.

Наталья Федоровна. А вы отдохните. Составьте нам компанию, не хотите кофе — присаживайтесь, чайку с нами выпейте. Поболтаем о том о сем.

Вера Алексеевна. Спасибо, с удовольствием присяду на два глоточка.

Дмитрий Михайлович. Большое вам спасибо за вашу о нас заботу, мы очень рады.

Вера Алексеевна. А вам за уважение спасибо.

Дмитрий Михайлович. Может быть, поцелуемся, Вера Алексеевна? У нас с вами редкое взаимопонимание.

Вера Алексеевна. Какой вы баловник, Дмитрий Михайлович, не приставайте.

Пьют чай.

Наталья Федоровна. Это он еще остепенился, а в молодости, знаете, как глазами стрелял, ни одной юбки мимо не пропустит.

Вера Алексеевна. Любить, как чай пить. Можно по-разному. Можно вприкуску, можно вприсядку, а можно и вприглядку.

Наталья Федоровна. Расскажите что-нибудь, Вера Алексеевна. Уж вы-то в любви толк-то знаете?

Вера Алексеевна. Смотрю я на вас, сердце не нарадуется. Как голубки воркуете. А у меня в жизни не было счастья.

Дмитрий Федорович. А что же у вас было?

Вера Алексеевна. Вот вам моя история. Был у меня молодой человек. Я его очень любила. Была я молодой, неопытной девушкой. А он был молоденький, хорошенький, ну просто загляденье. В ту далекую пору хранила я свою девичью чистоту и непорочность в бабушкином комоде, под замком. Как-то зашел Боря ко мне в гости, а я, дуреха, решила показать ему то самое сокровенное место. Взяла ключик из-под скатерти, открыла ключом ящичек, показала, закрыла опять на ключик. Ключик под скатерку

положила. И только я отвернулась, он его хватъ — и в карман. Вышел на улицу, сделал в слесарной мастерской дубликат, вернулся и положил оригинал на место. Прохвост. А я и не заметила. Я каждое утро уходила работать на чулочную фабрику, но ключик с собой брала. Он же, пользуясь тем, что меня дома нет, приходил, открывал заветный ящичек и делал с моей чистотой и неопытностью все, что ему заблагорассудится. Потом тихонечко клал на место мою девственность, мою первозданность, задвигал ящичек, закрывал снова на ключик и уходил. И так продолжалось много лет. А я все ждала, когда он мне предложение сделает. А Боря, мерзавец, молчит. И вот однажды я убираюсь в доме, открываю ключом мой заветный ящичек, при этом, разумеется, уверена, что я непорочна и чиста. И вдруг, о боже! Ящичек не выдвигается. Моя целомудренность распухла, как дрожжевое тесто, моя непорочность увеличилась в размерах. Что я делаю?

Супруги Плоховы (*в один голос*). Что?

Вера Алексеевна. Я снимаю самый верхний ящичек, в котором хранятся все мои девятнадцать лет, потом самый нижний, в котором храню воспоминания детства, а потом выдвигаю заветный ящичек, и что же я вижу?

Супруги Плоховы (*в один голос*). Что?

Вера Алексеевна. Я вижу, что беременная я!!! Что моя девственность еле умещается в моем заветном ящичке. Что, что? Вот что я вижу. Выкрали чистоту.

Наталья Федоровна. Ну а дальше-то что было?

Вера Алексеевна. На следующий день прихожу с фабрики домой — в моей квартире нет мебели, обворовали, до нитки обобрали. Я стояла на перекрестке и плакала. На мне было единственное платье и сумочка через плечо, распоротая бритвой. Пока я ехала в трамвае, один молодой человек разрезал ее и вытащил кошелек. И вот прошло много лет.

И я ношу одежду без карманов. Деньги в бюстгальтере. У меня в квартире, так же как и в вашей, (*показывает на дверь*) железная дверь. Единственное, что у меня осталось, — это воспоминания о детстве. Я храню их в сейфе фирмы «Браунинг». Я ненавижу воров! Ненавижу!

Наталья Федоровна. Не расстраивайтесь — у вас еще все впереди.

Вера Алексеевна. Ладно уж, пойду. Зачем я все это вам рассказала? Ума не приложу. Испортила себе и людям настроение. Пойду. Вода плохо проходит через стояк, вызвала рабочих. Труба забилась. Так что полчаса не ходите, потерпите. Я вам дам сигнал.

Вера Алексеевна уходит.

Дмитрий Михайлович. Ничего не понимаю, что за ящички? Почему ящички? Как это можно хранить девственность в ящичке?

Наталья Федоровна. А мне ее жалко.

Дмитрий Михайлович. Где же я ее видел? Мне кажется, я ее знаю.

Дверь со скрежетом отворяется, вбегает разъяренная и раздосадованная Вера Алексеевна (она же в недалеком прошлом Аркадий Андреевич и Фадей Ильич) и кричит, показывая пальцем на Дмитрия Михайловича, размахивая над головой какой-то бумагой.

Вера Алексеевна. Он по-прежнему любит Лизу Тентербаеву! Он мечтает ее обнять и расцеловать. И сбегать с ней на край света. Он не может и не хочет ее забыть. Это я не из головы, это я его (*показывает пальцем на Дмитрия Михайловича*)... цитирую.

Наталья Федоровна. Что случилось? Успокойтесь, дорогая.

Вера Алексеевна. Все это время он писал ей письма. Я сумела перехватить одно из них (*показывает*). Оно написано вчера и отправлено по почте.

Наталья Федоровна. Откуда здесь почта? Какая еще почта?!

Вера Алексеевна. В каждой камере есть почта, это очень просто, Наташенька. Письмо заворачивают в целлофан, чтобы не намокло. Опускают в унитаз и смывают потихонечку. Подходят к стене и стучат. Это знак. А в соседней камере братва из унитаза воду венником откачивает. Из общей всегда кто-нибудь освобождается. К счастью, сегодня была большая корреспонденция, поэтому стояк и забился. Вот оно, письмо!

Наталья Федоровна. Дайте мне его (*берет письмо, читает*). «Здравствуй, моя дорогая, любимая Лиза. Пишу тебе из-под стражи, надеюсь... минуя решетки и глаза цензоров... найдет тебя. Я люблю тебя и надеюсь... настанет время... мы будем неразлучны. Скоро я обниму и расцелую. Только твой, Митя».

Вера Алексеевна. Мы потерпели фиаско, все наши старания коту под хвост.

Наталья Федоровна. Поеду я домой. Поползу потихоньку в свою раковинку.

Дмитрий Михайлович. Дайте же мне сказать хоть полслова в свое оправдание. Я...

Вера Алексеевна. Без паники, спокойно! Всем оставаться на своих местах! Мы будем биться до последней капли крови, до последнего патрона! Нас двое — он один. Мы вооружены с головы до пят. У нас явное преимущество в живой силе и сексуальной технике. Мы красивые люди.

Наталья Федоровна. Оставьте меня в покое.

Дмитрий Михайлович. Вы слишком много себе позволяете!

Вера Алексеевна. Лицом к стене, руки в стороны, двоеженец отпетый!

Дмитрий Михайлович. Пошла вон, старая калошница!

Наталья Федоровна. Вспомнила, где я ее видела. В прихожей под зеркалом. Это же наша калошница!

Дмитрий Михайлович. А я-то голову ломаю — что это за ящики, в которых прячут целомудренность. Вот почему от нее так пахнет ваксой. Я не для того нес тебя на своей голове из мебельного магазина, чтобы ты совала нос в наши семейные дела.

Аркадий Андреевич — он же Фадей Ильич, он же Вера Алексеевна, он же Калошница (вместе). Мы все — одна семья.

Наталья Федоровна. Кто это — мы все?

Калошница. Обеденный стол, Дмитрий Михайлович, шкаф, бюро в кабинете, вы, Наталья Федоровна, кресла, напольная лампа, секретер, ваша дочь Татьяна, книжные полки.

Дмитрий Михайлович. Это заговор!

Калошница. Вы для меня все равно что родные. У меня нет людей ближе, чем вы. Я не могу быть равнодушной к тому, что происходит между вами. Мы прожили много лет вместе. Я привыкла к запаху ваших ног, к вашей странной манере, Дмитрий Михайлович, прятать несвежие носки в ботинках. Митя, если вы нас покинете, если кто-то другой станет хранить свою обувь в моей утробе, честное слово, я сойду с ума. Я этого не перенесу.

Наталья Федоровна. Я еще понимаю, если бы в полемику вступила наша двуспальная кровать. Но вы-то куда лезете?

Калошница. Я так и знала — кровать. Интересно, а чем же мы все хуже? Возьмем в качестве примера письменный стол в кабинете. Вы забыли, какие на нем устраивали оргии? Да, когда вы, Дмитрий Михайлович, стали писать статью о безопасных перевозках нефти для журнала «Судоходство»?

Дмитрий Михайлович. Я что-то не припомню.

Наталья Федоровна. Она правду говорит, было, было.

Калошница. А платяной шкаф. Вспомните, первая неделя после новоселья. Вам вздумалось играть

в прятки. Наталья Федоровна спряталась в шкафу, а вы, Дмитрий Михайлович, тут же ее... и отыскали. А-а-а, вы забыли. Что именно случилось, когда вы ее отыскали? В квартире остались только две вещи, не отмеченные вашей всепоглощающей страстью: это газовая плита... и хрустальная люстра. Нас много таких, мы не хуже, чем ваша двуспальная кровать, мы — армия вашей страсти. Мы так просто не отступимся. Мы залезем с головой в ваши личные дела.

Дмитрий Михайлович. Явное преувеличение.

Калошница. Ну, хорошо, так уж и быть. Я назову еще несколько имен: гамак на даче, чердачная балка в старом доме в городе Петрозаводске, старая пожарная машина, брошенная в лесу, мешок соли в портовом складе города Мурманска и так далее и тому подобное.

Наталья Федоровна. Хорошо, что наша Таня не слышит.

Калошница. Какие вы стали ханжи.

Дмитрий Михайлович. Ты посмотри, обыкновенная чурка из дерева, а все туда же, учит жить.

Калошница. А что ваша двуспальная кровать в стиле ампир? Эта дрянь за двадцать сребреников продала вас всех с потрохами. Доносчица, старая стукачка.

Наталья Федоровна. Очень интересно, пожалуйста, подробнее.

Калошница. Это очень просто, ваша кровать придвинута вплотную к стене. У нее ножки слабые. И когда вы занимаетесь любовью, она стучит медными набалдашниками о стену. А кто живет за стеной? Правильно, ваша соседка — Лидия Владиславовна. Ведьма, старая дева. И как только кровать начинает стучать, она сплевывает на пол, кружится на одной ноге, воеет, как собака, и тычет указательным пальцем левой руки в пол. А вы знаете, Митя, что символизирует указательный палец ведьмы, опущенный вниз?

Дмитрий Михайлович. Я догадываюсь.

Наталья Федоровна. Я хочу понять, зачем ей это нужно, зачем она это делает?

Калошница. Она хочет, чтобы вы побыстрее угомонились. Вы ей спать мешаете.

Наталья Федоровна. А я-то думаю, что это при встрече со мной Лида так загадочно улыбается.

Калошница. Что вы мне тычете в нос вашей кровати? В конце концов, я тоже не девушка. Что там письменный стол или кресло-качалка? Я хорошо помню тот день, когда вы лишили меня невинности. Это было первого мая 1978 года. Я, как всегда, дремала в прихожей, я была в неге. Вы вернулись с первомайской демонстрации, такие веселые, счастливые, и только закрылась дверь, вы, как два тигра, набросились друг на друга и чуть было меня не раздавили.

Наталья Федоровна. Еще бы, мы шли в первомайской колонне и скандировали: «Мир, труд, май».

Уходит свет, на сцене становится темно.

Дмитрий Федорович. Это подействовало на нас возбуждающе. А эти красные знамена над головой...

Наталья Федоровна. Сначала запонку потеряешь, потом треснет заколка, а потом порвешь рукав. Все разваливается, рассыпается. Так, капля за каплей, вещь за вещь, исчезают цивилизации. Да куда же делись эти самые ботинки на толстой подошве, куда же они запропастились?

Приходит свет, и мы видим — Наталья Федоровна в мокром плаще, сапогах сидит на старой калошнице. Перед ней на полу рассытана обувь. Она перебирает пару за парой. Дмитрий Михайлович держит руку на выключателе, это он включил свет.

Дмитрий Михайлович. Полчетвертого ночи. Я читал, заснул в кресле и сквозь сон услышал твой голос. С кем ты разговаривала?

Наталья Федоровна. Сама с собой.

Дмитрий Михайлович. Что ты здесь делаешь?

Наталья Федоровна. Ищу твои ботинки на толстой подошве.

Дмитрий Михайлович. Сидит на старой калошнице в темноте и сама с собой разговаривает. Она ищет мои ботинки. Посмотри на себя, до нитки вымокла. Снимай пальто.

Наталья Федоровна. Некогда, мне надо побыстрее найти твои ботинки.

Дмитрий Михайлович. Бог с ними, завтра найдем.

Наталья Федоровна. Нет, сейчас... тебе надо идти.

Дмитрий Михайлович. Но ты просила меня остаться еще на один день.

Наталья Федоровна. Я передумала, уходи сейчас же. Нашла... вот они, твои ботинки на толстой подошве.

Дмитрий Михайлович. Хорошо, я пойду, давай их сюда.

Наталья Федоровна. Застегнись.

Дмитрий Михайлович. Смотри, как новые.

Наталья Федоровна. Ключи от квартиры, возьми.

Дмитрий Михайлович. До свиданья, Наташа.

Наталья Федоровна. До свиданья, Митя.

Дмитрий Михайлович уходит.

Занавес.